

Онтология и аксиология традиционной культуры

Раскрытие онтологии традиционной культуры означает спецификацию видов ее сущего. Что есть сущность традиционной культуры? Каковы атрибуты ее бытия? Что лежит в основании традиционной культуры? Традиционная культура как явление будет рассмотрена с позиции 4 причин, выделенных Аристотелем: материальной, формальной, действенной и целевой.

Основаниями традиционной культуры мы будем называть ее базисные элементы, вещественный фундамент, устойчивые структуры ее организации. Это константы, определяющие ее наличное бытие. Основания традиционной культуры есть ее материальная причина. Что же нужно для традиционной культуры «по матери»? Какое особое лоно необходимо для традиционной культуры?

Можно предположить, что для традиционной культуры необходима почва особого качества, преображенная, освященная, однако любые такого рода трансформации предполагают участие сознания, то есть подключение формальной, действенной и целевой причин.

Поэтому мы утверждаем, что на уровне материальных оснований онтологический низ традиционной культуры не отличается от культуры в целом. Субстрат любой культуры — это поле деятельности, совокупность средств обеспечения жизнедеятельности, необходимых для осмысленной жизни человека. Это могут быть высоко технологические средства производства, а может быть палка-копалка. Традиционность культуре дает не вещественный субстрат, а сознание ее носителей.

Данное утверждение можно проверить на примере динамики традиционных культур. Если ранее материальным базисом таких культур было сельское хозяйство, бесписьменный язык, то сегодня тра-

диционные культуры совмещают аграрный сектор и промышленность (Япония, Саудовская Аравия, Иран, Индия). Традиционная культура не зависит, следовательно, от поля деятельности. Она может развернуться на любой почве, в любых условиях, хотя, действительно, аграрный тип производственных отношений косвенно влияет на формирование независимого менталитета (погодные условия), циклического восприятия времени (сезонные циклы), патриархальности семейно-бытовых отношений, персоналистического мироотношения.

Напротив, промышленность как основа производства означает быстрый темп развития техники и технологий, распад патриархального быта и родственных связей, стандартизацию и деперсонализацию человека, «ничтоизацию» смысловых горизонтов личности.

Материальный, экономический базис и идеальная «надстройка» традиционной культуры находятся в диалектическом взаимодействии: базис нуждается в энергии действия, исходящей от идеальных детерминант, а идеальные детерминанты нуждаются в поле деятельности для своего опредмечивания.

Детерминантами традиционной культуры мы будем называть ее идеальные истоки, архетипы, определяющие воплощение традиционной культуры. Говоря о глубинных причинах различия между культурами, П.Б.Уваров пишет: «Идеи Р.Генона во многом убеждают современных философов и историков в необходимости учета трансцендентного фактора при обращении к принципиальным основам типологии исторических обществ»¹. Здесь мы ограничимся лишь видимой частью этого айсберга, а именно менталитетом традиционной культуры.

Менталитет есть модальность корпоративного мышления, система неосознанных координат, заданных человеческому поведению в культуре, сознательно-бессознательный национальный буфер. Он формируется за счет многократного повторения смысловой деятельности в одном времени и пространстве и помогает упрощать коммуникацию между носителями одного менталитета.

Менталитет не доступен для эмпирического исследования, его нельзя замерить в точных количественно-качественных параметрах. Мы не обладаем таким инструментом, как «менталоскоп», чтобы определить степень «традиционности» в культуре. Тем не менее реальность менталитета невозможно отрицать. Один и тот же биологический человек в разных хронотопах ведет себя совсем по-разному: один готов работать за идею (комсомольцы БАМа), другой — за достаток (католическая этика), третий — за преуспевание (протестантская этика), четвертый — не будет работать даже под угрозой смерти («вор в

законе»). Подобные различия можно увидеть во всех смысловых «узлах» культуры: отношения к жизни, смерти, любви, труду, семье, природе, времени, пространству и т.п.

Общефилософские методы познания позволяют сделать несколько обобщений на основании исследования доступных источников как «идеальной» культуры в виде философии, религии, литературы, искусства, так и «повседневной» (привычки, навыки организации околотелесного пространства). Все это будет подчинено задаче наглядно показать, как человек в традиционной культуре познает мир.

«Менталитет» не является специальным объектом нашего исследования, поэтому мы свободно используем близкий термин – мышление традиционной культуры. Речь всегда идет об особенностях отражения мира в сознании носителя традиционной культуры.

При разборе характеристик мышления в традиционной культуре, будут попутно приведены его оппозиции из культуры инновационной. Это делается не для критики, а для выявления особенностей стиля мышления в традиционной культуре.

Иерархическое мышление

Иерархическое или вертикальное мышление – это особая характеристика мышления носителя традиционной культуры, которая заключается в признании порядка более высокого уровня и готовности действовать сообразно воле этого порядка. В нравственном отношении иерархическое мышление означает уподобление абсолютным идеалам.

Мы можем говорить о рефлексивной традиционной культуре, которой осуществляется осознанное поддержание информационной стабильности. Информационная стабильность есть добровольное самоограничение от создания множества идеальных миров. Это достигается в традиционном обществе путем практики зависимости от трансцендентного фактора, воля которого находит закрепление в особых терминах, таких как Ли (Китай), Маат (Египет), Киттум (Месопотамия), Кала (Индия), Мойора (Древняя Греция), Фатум (Древний Рим).

Традиционные культуры, которые принято называть первобытными, примитивными, табуируют любое отклонение от установленного порядка неосознанно: мы живем так, как жили наши отцы. Такие традиционные культуры мы дальше будем называть нереклексивными².

Вертикальное мышление – это, прежде всего, пространственная характеристика мышления. Универсум предстает человеку традиционной культуры как лестница планов бытия. Так, например, выстраивалась архитектура идеального бытия средневековой культуры:

«Рождалось так называемое «вертикальное мышление», интересовавшееся не бытовым окружением и даже не причинно-следственными связями, а крайними пределами бытия, «координатами» абсолютного верха и низа. В целом в этой культуре, кажется, все выстраивалось архитектурно и иерархически и, однако, эта культура умела совмещать символический формализм всего ею созданного с его же чувственно-визуальной, телесной представленностью»³.

Социальная парадигма традиционного общества также имеет вертикальное строение. Корни древа власти такого общества растут из метафизического источника и питаются культово-религиозным церемониалом. Специальная прослойка жрецов обеспечивает коммуникацию с источником власти и поддерживает священный порядок в обществе.

Социальная адекватность человека оценивалась по его четкому сословному позиционированию в одной из страт (жрецов, воинов, купцов, крестьян, рабов). Социальное действие детерминировано ценностью мужественного исполнения своего долга. Ценностный сословный кодекс исключал понятие «классовой борьбы». Каждое сословие отличалось от другого родством, видом деятельности, пищи, одежды, местом проживания и т.п.

Независимо от конфигурации формы правления власть носила абсолютный характер: «Правитель подобен ветру, а народ — траве. Когда ветер дует, трава склоняется»⁴. Вершина пирамиды традиционного общества соединяла все общественное многообразие и являлась посредником проекции идеального центра на земной порядок.

Существовала разница в наказаниях за правонарушения для знатного человека и простолюдина — правоспособность зависела от социальной принадлежности лица. Чем выше страта в обществе, тем больше нравственных ограничений накладывается на нее. Самые строгие правила и предписания распространяются на жречество и правителя.

Иерархическому типу мышления противостоит автономный, анархический тип мышления. Возникновение анархического, критического мышления связано с феноменом интеллигенции, интеллектуального класса, автономно генерирующего правила мыслительной деятельности. Новый интеллектуальный класс выделяется самоопределением в мыслительной области.

Антитезой иерархии в постнеклассической парадигме мышления является «лабиринт» — один из центральных образов-метафор нового мыслительного пространства. У Борхеса лабиринт — это вавилонская библиотека смыслов. Эко продолжает метафору лабиринта в «Заметках на полях «Имени розы» как места, где все дороги ведут к «Минотавру».

В постмодернизме рождается концепт «ризомы», «корневища», прообраз сетевого мышления, где связи могут устанавливаться как угодно и где каждая точка является центром, вокруг которой располагается ризома мироздания. В нитевидных корнях мироздания бесконечно блуждает паук сознания, запутавшись в своей мысленной паутине.

Эталонное мышление

Характеристика мышления как «эталонного», канонического, императивного, статичного означает доминанту хранения над обновлением.

Воспроизведение эталонов в традиционной культуре воспринимается как абсолютная ценность: «[Династия] Чжоу могла созерцать ритуал двух предшествующих династий. Как прекрасна ее культура! Я предпочитаю следовать Чжоу [а не предшествующим династиям]!»⁵.

Прошлое обожествляется и нарушение его основ – немислимый из пороков: «Достижение богатства и почестей путем нарушения Ли – столь же далеко от меня, как облака в небе»⁶.

Статичность мышления свойственна видению пространственной и временной картины мира. В восприятии пространства традиционного общества преобладают качества неизменности, определенности, спокойного отношения к дуализму мира. Человек видел мир как обжитой дружелюбный космос. В восприятии времени доминируют такие свойства как постоянство, размеренность, бесконечность, неподвижность.

В социальном контексте эталонность мышления приводит к четкости общественных границ, социальной определенности: активность каждого сословия регламентирована в любое время суток.

Эталонность мышления – это общее свойство как нерефлексивных, так и рефлексивных традиционных культур, однако в нерефлексивных традиционных культурах сохранение обычаев происходит иррационально, или на основе здравого смысла: или там, где уже прошли многие. Рефлексивные культуры наследуют не только сам конвейер наследования, но объяснение его отправной точки и пути следования, цели и механизма передачи. Естественно, что персонал, задействованный в работе конвейера, может иметь разную степень осведомленности о его работе.

Нерефлексивная форма наследования сохранилась и по сей день в виде примет и суеверий: постучи по столу, не передавай через порог, посмотри в зеркало и т.п.

С этой точки зрения эталонное, советское общество — это попытка реставрации традиционного общества с его ортодоксией и ортопраксией.

Инновационная культура не знает безусловной ценности эталона. Любой эталон хорош как средство удовлетворения потребностей. Взамен эталонного мышления выдвигается мышление лабильное, гибкое, подвижное. В среде активных изменений выживает человек без предрассудков, предприимчивый, пластичный, паллиативный, конъюнктурный.

Происходит разгерметизация общественного сознания и отсюда вымываются императивные смысловые константы, трансцендентные корреляты.

Пространство современного человека — это площади, квадратные метры, близость к метро. Лучшее пространство — то, где больше платят. Время также имеет денежный эквивалент: 1 час любви — 150\$, 1 минута — 0,01 у.е., а еще лучше — посекундная тарификация.

Циклическое мышление

Циклическое мышление — ориентация на повторение, возврат. Это темпоральная характеристика мышления, особое восприятие времени как замкнутого кольца или спирали.

Истоки циклического воспроизведения можно увидеть в сезонном земледелии, ротационном возделывании земли, что в практической жизни означало создание четкого и стройного агрокалендаря, строго регламентирующего сроки и очередность всех сельскохозяйственных работ.

Циклическое мышление предписывал и литургический год. Каждое время года, суток было четко регламентированно и ассоциировалось с некоторым сакрализованным действием. Конкретное время-успевание не детерминировано четко, важнее бесконечное время. В метафизической перспективе это приводило к созданию жреческого календаря, рассчитанного на длительные космические циклы.

Постнеклассическое мышление сохраняет циклическую повседневность (будни — выходной, год — отпуск), но при этом политика, наука, техника, экономика задают стрелу неуклонного линейного восхождения к новым достижениям демократии, выход на более высокий уровень познания, новые информационные технологии, ультрасовременные образцы бытовых устройств, непохожий вкус, небывалые скидки и еще больше всего с маркировкой NEW! NEW! NEW!

Эмоциональное мышление

Под термином «эмоциональное мышление» мы будем понимать характеристики интеллекта, находящегося под влиянием чувства, настроения. Это состояние следует отличать от клинической подверженности депрессивным состояниям, аффектам.

Традиционная культура — это культура передачи настроения, эмоции. В традиционной культуре сфера эмоций является самой главной. Возьмем Китай, где много внимания уделяется цивилизованному выражению чувств в правильное время и в правильном месте. Конфуций говорил о том, что у человека открыто пять каналов эмоционального обмена с миром — между родителями и детьми, господином и слугой, мужем и женой, старшими и младшими братьями, между друзьями.

В принятии решений человек конфуцианской этики руководствуется «сердечным мышлением». Когда Конфуций услышал, как молодого человека назвали «честным» за то, что он донес на своего отца, укравшего овцу, он горестно вздохнул и сказал: «Подлинно честный человек не таков. Отец скроет преступление сына, сын скроет преступление отца — вот что значит честность»⁷.

Индийская культура также образована согласно «главенству сердца». Объекты культуры кодируются с тем или иным доминирующим настроением. В древнеиндийской эстетике разработано учение о 12 расах, эмоциональных отношениях. Существуют пять основных рас: нейтральные отношения, отношения слуги и господина, дружеские отношения, родительские отношения и супружеские отношения и семь косвенных рас: гнев, удивление, юмор, рыцарство, сострадание, страх и потрясение.

Индийская диетология основана на смешении вкусов, рас. Удовлетворение от пищи достигается не через питательность, а через комбинацию 6 вкусов: сладкого, горького, соленого, вяжущего, острого, кислого.

О.И.Генисаретский указывает на сущность эмоционально-образного традирования культуры: «Традиция суть трансляция субъективности. Даже когда мы имеем дело с традициями достаточно древними, речь вовсе не идет о трансляции бессодержательных, лично нейтральных форм, объективированных в культуре. Напротив, традицией исторически длится бытие/деятельность, сфокусированная на человеческой индивидуальности, транслируются личностные образцы и внутренние самообразы ее, относящиеся к учителю и ученику, наставнику и послушнику. И, ясное дело, к той перво- и целодеятельности, кодируемой этими самообразами и образцами, которую русские философы метафорически именовали «литургией» и «теургией»⁸.

Антиподом эмоционального мышления традиционной культуры является мышление инновационной культуры, становление которого прошло несколько этапов. Обновленческий оптимизм Возрождения сменился угрюмостью барокко с его эмоциями страха, растерянности, трагизма, потерянности, меланхолии. Лишь к эпохе Просвещения Европа выходит из депрессивного состояния и переходит к новому типу эмоциональности – прагматической.

Если проанализировать лозунги современной культуры, то можно обнаружить, что в ее основе находится принцип рационального мышления. Допустима только рациональная эмоциональность, конкурентоспособность, прагматизм, эгоизм, холодное и расчетливое любопытство. Нет никаких близких людей для меня, и никто не видит во мне близкого человека. Все для меня суть бесполезные или полезные существа. И я для них более или менее полезное существо. Человек ценен не сам по себе, а как предмет удовлетворения потребностей. Если Гоббс в XVII веке определил человеческие отношения формулой «Человек человеку – волк», то для посттрадиционного общества более адекватной является «Сверхчеловек сверхчеловеку – робот»⁹.

Отношения должны быть выгодными и не обременительными, безболезненно разрываемыми. Любовь – эмоциональное рабство, любите себя, служите себе. Или заведите собаку, чтобы она вас любила. Выходить замуж и заводить детей – дорогое и сомнительное удовольствие, зато несомненный источник тревог и хлопот. Таковы исходные принципы нашего бытия – никаких глубоких семейных привязанностей, никакой дружбы, никакой веры. Взамен – обычное состояние душевной опустошенности, черствости, подавленности, изолированности и одиночества. Однако ни в коем случае нельзя показывать истинное состояние в эмоциях. С рождения нужно приспособляться жить в мире сдержанных, заниженных, подавленных и вообще не возникших эмоций.

Однако здесь же присутствует высокоразвитая культура имитации эмоций, игра в них. Отсюда преувеличенные изображения радости, бодрости, веселости. Актеры телерекламы изо всех сил изображают пищевой восторг, инфантильный интерес к пустякам.

Общий эмоциональный фон продолжает линию барокко: в обществе растет тревожность, озлобленность. Коммерция становится все более агрессивной, реклама – навязчивой, использующей самые низменные инстинкты человека.

Эмоциональные центры человека индустриальной культуры располагаются в области количества (новая технология вкуса, больше половых актов, 3 в 1 и т.п.), эмоциональное мышление человека традиционной культуры связано с качеством отношений.

Потребность любить и быть любимым является самой сильной из всех. Она удовлетворяется в традиционной культуре через бескорыстное взаимодействие с реальностью, принцип дарения, а не принцип потребления.

На субъективном уровне в традиционной культуре мало известны негативные эмоции, сопровождающие человека посткультуры — депрессия, стресс, отчужденность, одиночество, уныние.

Смысловое мышление

Смысловое мышление есть параметр заданности целью действия: «цель есть все». Смыслы — содержательная ткань целеполагания. В.А.Кутырев разработал характеристику традиционной культуры как пристанища экзистенциальных смыслов, иммунную систему общества¹⁰.

Смысловое мышление есть также установка на сохранение первоначальных значений. В этом контексте культура теряет связь с традицией, когда затирается область значений смыслов и остается языковая оболочка. Последующая культура воспринимает языковую оболочку как совокупность мифов.

Смыслоорганизующим началом в традиционной культуре выступают сакральные тексты, где формулируется генеральный смысл, объединяющий вокруг себя все частные смыслы. Главным типом мировоззрения такого рода является религия как особое знание — ценностное, экзистенциальное, смысловое и устойчивое. Дедуктивное мышление религии позволяет ей концентрироваться на истоках бытия и отвлекаться от исследования эмпирического многообразия.

Смысловому мышлению противостоит технологическое мышление, параметр заданности методом осуществления: «средства есть все, цель — ничто».

При изобилии материальных благ в индустриальной культуре существует сильный дефицит смыслов. Смыслообразующие институты, такие как семья, религия, трудовые династии, суды чести и т.п. находятся в упадке. Смысловое поведение, то есть долг, честь, совесть, ответственность, преданность, любовь стало раритетом. Представители власти вызывают к религиозным деятелям с просьбой о помощи в воспитании молодежи, хотя деятельность самих властных институтов продиктована меркантильным интересом и направлена против сущности человека. Взрослое поколение лелеет старые смыслы в меняющемся обществе или прибегает к сеансам смысло-терапии (природа, винтажное кино, путешествия). Новое поколение рождается с врожденным смыслодефицитом и не замечает фаталь-

ных изменений в культуре. Человек – единственное существо, готовое привыкнуть к искусственной среде обитания, лишенной эмоций и смыслов. Но, поскольку для человека потребность в смысле является стержневой, то при потере ее он лишается ориентации в предметном мире, человек не может жить как безличный предмет. Невозможность существования без смысла подтверждается увеличением процента самоубийств. Самоубийство означает нетерпимый протест против потери смыслов.

В традиционном обществе смысл позволяет претерпевать страдание. Когда человек остается один на один с болью, лишенный смысла, он не может больше терпеть. Постиндустриальное общество развивает программу функционального существования: человек рассматривается как потребитель материальных благ. Альтернативой этому выступает традиционный человек, обогащенный смыслами. Традиционный человек не теряет душевного равновесия, сталкиваясь с телесными, психологическими страданиями, так как в нем сильны индивидуальные смысловые структуры.

В условиях советского общества существовала ярко выраженная смысловая компонента, пусть не во всем состоятельная. В постсоветском обществе смысловые структуры рухнули, и сейчас мы переделываемся в функциональных роботов. Безуспешность жизни в смысловом вакууме хорошо продемонстрирована в футуристическом романе А. Зиновьева «Глобальный человек-робот».

В культуре смыслодефицита в качестве субститута подбрасываются деньги, власть, удовольствие и т.п. Все это выступает лишь средством симуляции смысла. Деньги, наряду с наркотиками, алкоголем, азартными играми и сексом, создают также ситуацию иллюзорного контроля над реальностью, смыслогенерации.

Ното medium смело форматирует смысловую среду, переписывает историю, вводит в оборот новые ценности, тем самым осуществляя информационную власть. Ното medium создает в неустойчивом обществе иллюзию определенности, контроля знания. Он формирует ощущение определенности бытия в безграничном потоке информации. Ното medium – это ас символического проектирования, мастер по продажам смысловых симулякров. Дезориентированный субъект пост-культуры находит в медиа-специалисте своего смыслового терапевта.

Затирание смысла, в свою очередь, порождает вакуум таких оснований культуры, как норма, ценность, которые, будучи лишены смыслового обоснования, выходят из культурного оборота.

Инновационная культура не имеет магистрального смыслового вектора, и поэтому все подчиненные смыслы принимают относительный, временный и конечный характер. Знание, лишенное смысла, называется информацией, следовательно, инновационное общество также называют информационным. Информационное общество, лишенное генерального смысла, открыто к обновлению информации, смыслов, ценностей, норм. Информационные конструкции посттрадиционного общества носят неустойчивый характер и легко заменяются при контакте с новой реальностью.

Особую легитимизацию получает наука как инструментальная, неценностная сфера познания, лишенная смыслового центра. Научная концептуализация происходит по принципиально посттрадиционному правилу: форматирование элементов здравого смысла и их реконфигурация¹¹. Понятие истока, причины сменяется понятием «след».

Колониальная посттрадиционная культура включает в себе деканонизацию традиционных ценностей путем подмены глубинного смысла поверхностно-чувственным отношением к миру, дара потребления, духовности – телесностью, иерархии – плюрализмом, индивидуальности – серийностью. В рамках традиционных культур такой эксперимент заканчивается крахом культурной идентичности.

Мы обсудили материальные и формальные причины традиционной культуры. Наряду с ними существуют действенная и целевая причины.

Целевая причина традиционной культуры – это удаленный замысел самого ее постава. Говорить об этом можно только гипотетически, исходя из самой природы традиционной культуры: коль скоро ее сущность сводится к бережной трансляции, то ее замысел можно представить как конвейер смыслов.

Действенной или инструментальной причиной традиционной культуры являются ее носители. Носителями традиционной культуры мы будем называть субъектов, занятых накоплением, сохранением и трансляцией традиционной культуры.

Таким образом, традиционная культура – это специфический тип организации жизнедеятельности, основанный на иерархическом, эталонном, циклическом, смысловом и эмоциональном мышлении.

К традиционным культурам могут относиться как аграрные общества, так индустриальные, информационные. В традиционной культуре могут пользоваться инкорпорирующим (чукотский), флективным (санскрит), агглютинативным (японский), корневым (китайский) языками. Традиционная культура может быть рефлексивной (цивилизованной) и нерефлексивной (варварской).

Аксиология традиционной культуры

Традиционная культура развивается вокруг этико-ценностного ядра. Этические ценности в традиционной культуре носят императивный, безусловный характер. Это глубинная этика характера, в отличие от посттрадиционной ситуативной этики продаж.

Главной ценностью в традиционной культуре является человек качественной определенности, предсказуемых сословных ожиданий. Конфуций выделял пять человеческих качеств, отличающих его от животных: человеколюбие, справедливость, почтение к людям, мудрость, правдивость. Культурное строительство в обществе осуществляется на основе воспроизведения добродетели каждого: тот, кто контролирует себя, может регулировать свои семейные отношения. Там, где в семье порядок, в государстве — мир. Когда же в государстве воцаряется мир, наступают порядок и спокойствие во всей Поднебесной. Так совершенствование добродетели является основанием порядка для всех. Эти положения, разработанные Конфуцием, послужили основой не только для культуры Китая, но и Японии.

Традиционная культура основана на корпоративных ценностях, это этика коллективизма. Конфуций говорил: «Тот, кто помогает устанавливаться другим, устанавливает себя — таков путь человека жэнь», то есть для становления человека необходим долгий, полный компромиссов процесс социализации. Обретение индивидуальности и социализации для Конфуция — две стороны одного и того же процесса.

Антиподом аксиологии традиционной культуры выступает ситуативная, утилитарная, потребительская аксиология индивидуализма. Этот тип поведения основан на автономном самоутверждении личности.

В настоящее время распространены поиски универсального истока культуры. Патриотические авторы склонны увязывать эту ностратическую пра-культуру с конкретным этносом или топосом — африканским, семитским, индоевропейским.

Действительно, доиндустриальная пракультура могла иметь универсальное поле, но это поле не этническое, а ценностно-смысловое. Так же как и сейчас, распространение европейской культуры означает проникновение ценностями и смыслами европейской ойкумены без потери национальной идентичности, так и существование единой традиционной культуры в прошлом сохраняло всю национальную специфику и особенности рациональности этого этноса. В едином поле традиционной культуры могли быть как примитивные, до-

письменные культуры (папуасы, аборигены Австралии), так и высокие цивилизации Египта, Месопотамии, Индии, Китая, Мезоамерики. Традиционными их делает менталитет.

Аксиологическая модальность традиционной культуры

Чтобы оценить аксиологическую модальность традиционной культуры, мы предложим универсальную шкалу ценностей, состоящую из трех операторов. Утилитарное (прагматическое), теоретическое (научное) и эстетическое отношение — это базисные установки, отражающие глубинный интерес человека к миру и формирующие его последующие мотивации и смыслы.

Утилитарное отношение характеризуется стремлением получить пользу, теоретическое отношение — это установка на объективное познание свойств вещи, а эстетическое отношение к действительности отличается бескорыстным эмоциональным взаимодействием с объектом.

Утилитарный код мироотношения оформлен в традиционной культуре в систему ритуалов. Так, например, в ведийской культуре 90% огромного корпуса священных текстов отведены регламентации «карма-канды», то есть прагматической деятельности человека. В Ведах разработана подробная классификация последствий деятельности в рамках утилитарного модуса¹². Ведийские тексты содержат также красочную рекламу райских удовольствий для тех, кто следует путем благочестивой кармы: небесные девы, хмельные напитки, утонченные наслаждения¹³. Затем там критикуются те, кто действует эгоистично в удовлетворении своих желаний, пренебрегая общественным благом.

Утилитарный модус традиционной культуры отличается строгим следованием источникам сакрального права в обретении материальных благ: то, что священные тексты предписывают выполнять — правильно, а то, что они запрещают — неправильно. Долгом каждого человека является исполнение предписаний и воздержание от того, что запрещено. Исполнение того, что указано в сакральных источниках, ведет к счастью.

Теоретическое отношение, которое заключается в познании объективных свойств вещи, в традиционной культуре не выделяется в автономный модус развития. Для того, чтобы теория действительно позволила достигать результатов, она должна быть как можно более общей, абстрагированной от конкретных событий и работающей с математической природой вещей. Однако такая установка на теоретическую кодификацию информации делает взаимообмен с реальностью неценностным и обезличенным, что конфликтует с такими де-

терминантами традиционной культуры, как эмоциональное, смысловое, эталонное, иерархическое мышление. Теория в современном понимании — это форма, лишенная отношений, десубъективированное «оно». Подобная гиперрационализация далека от традиционной культуры, но выступает объединяющей силой глобальной посттрадиционной культуры.

Теоретический модус имеет прикладное значение в традиционной культуре и лишь в Древней Греции он получает автономный статус. В отдельных традиционных культурах теоретический код развивается в особый способ созерцательной практики (гьяна в Индии, дзен в Китае). Последователи этой практики создают свои тексты, разоблачающие психологию утилитарного отношения к миру и призывают к недифференцированному, бесстрастному видению мира.

Эстетическая модальность — это особый код накопления и снятия информации. Он есть снятая форма утилитарного и теоретического. Эстетическое отношение — это форма непрагматического взаимодействия с реальностью на основе чувства любования, гармонии. Эстетическая кодификация информации означает преобладание личного отношения и вкуса. Объективно эстетическое выражение и восприятие основано на самодовлеющей ценности вещи. Субъективно эстетическое взаимодействие связано с чувством глубокого эмоционального удовлетворения. Удовлетворение от утилитарного и теоретического взаимодействия поверхностно и кратковременно, так как оно основано на контроле. Через утилитарное взаимодействие субъект стремится контролировать мир вещей, а через теоретическое взаимодействие — мир идеализированных конструкций. Попытка контроля и в том и в другом случае ограничена временем, пространством, а также наличием иных субъектов. Поэтому утилитарное и теоретическое взаимодействие часто оборачиваются фрустрацией. Эстетическое взаимодействие имеет принципиально иной источник удовлетворения, оно не связано с контролем объектов и поэтому носит целостный характер.

Традиционная культура означает доминанту эстетического отношения и кодификации. Именно так следует рассматривать мифы традиционной культуры. Если попытаться приблизиться к мифу с точки зрения теоретического модуса, то мы найдем там лишь опровержение всех формальных законов логики. Утилитарный код также не позволяет взаимодействовать с телом мифа, и вместе с тем известно, что миф играл роль сравнимую с ролью науки в жизни человека, даже гораздо большую, так как наука не может быть столь глубоко личностной, как миф. Плодотворный анализ мифа можно провести, лишь

учитывая его эстетическую кодификацию. Миф предполагал, соответственно, и эстетическую декодировку. Поэтому сейчас, когда мы обращаемся к мифу с теоретическим кодом, мы вынуждены характеризовать его как нечто примитивное, а с точки зрения практического действия миф вообще лишен здравого смысла. Все эти положения позволяют по-иному взглянуть на репрезентативность и истинность произведений с доминирующей эстетической кодификацией.

Эстетическая декодификация культурных текстов означает, что важен не нарратив, а те концепты, смыслы, которые он порождает. И поскольку он порождает нечто неординарное, эксплицитно не содержащееся в нарративе, сам нарратив оказывается амбивалентно значимом, но уже с другой стороны, с точки зрения ценностного самоотношения. Для теоретической кодификации достаточно обладать логической подготовкой, но для эстетического прочтения необходимо обладать эстетическим вкусом. Когда мы используем теоретический код для расшифровки эстетически кодифицированных текстов древности, они представляются нам лишенными смысла.

Метод выделения эстетического как особого способа кодификации информации позволяет решить эту проблему интерпретации инокультуры. Известно, что наше сегодняшнее понимание других культур обусловлено западно-европейской познавательной парадигмой, то есть теоретическим кодом. При этом, если другая культура не соответствует принятому уровню рассудочности, то она расценивается как иррациональная мешанина, интеллектуальный разврат и логическая нечистоплотность¹⁴.

Принцип эстетической организации жизненного опыта объясняет, почему самое рассудочное существо имеет порой самую иррациональную мотивацию. Как это ни банально звучит, но самым главным во все времена является «личная жизнь» человека, а это не что иное, как принцип эстетической организации опыта, так как «личная жизнь» фактически означает отбор фактов, основанный на индивидуальном «вкусовом» мироощущении.

Мотивация дает энергию действия. Имея некоторый вкус, индивид уже мотивирован его воспроизводить. Вкус — это автореферентная структура, он требует самовоспроизводства, посвящения себя ему, самопредания.

Безграничный вкус являет себя ограниченному субъекту. В зависимости от своей опоры человек удовлетворяет эстетические потребности, находя истину вкуса в вине, состязании, философии и т.д. При этом он не задумывается, что вкус, привлекающий столь разных людей к столь разным вещам — один и тот же. Он самодовлеющим

образом проявляется как самоорганизующаяся эстетическая система. В нее включены разные субъекты эстетических отношений, которые стараются не спорить о вкусах в современном плюралистическом обществе, но объект эстетического наслаждения у них не различается. Он лишь коррелирует с разбросанными в мире вещами, являясь нам то в одном образе, то в другом. Разнообразные феноменальные вещи не обладают такой привлекательностью, какой обладает удовлетворение от предвкушения обладания вещью. Вещи как таковые не дают наслаждения. Наслаждение — это состояние, лишь совпадающее с фактом владения вещью. По мере достижения объекта чувство наслаждения от обладания им блекнет и только новые цели, новые объекты способны вернуть жажду наслаждения. Неуловимость наслаждения подчеркивается парадоксальной зависимостью: чем больше человек следует установке на наслаждения, тем меньше он их получает. Согласно позиции традиционной культуры, причина заключается в неверной интенции индивида, наслаждение должно быть не закрытым, а интенциональным. Оно действует как стремление удовлетворить объект эстетического любования своим бескорыстным отношением.

Эстетическое отношение также отвечает за воспитание, ибо истинная этика возможна, когда я ощущаю вкус от правильного, гармоничного поведения и иное поведение становится противно моей природе. Знание без образования остается на теоретическом уровне и не переходит на уровень освоения, а воспитание без знания напоминает дрессировку. Высшее развитие этических систем — это спонтанная любовь к правильному действию.

Рассмотренные виды отношений сродни шаблонам, стереотипам восприятия, которые могут стягивать и поработать личность, а могут освободать. Через утилитарный и теоретический режим восприятия личность редуцируется до телесных функций или до интеллекта и лишь только в эстетическом взаимодействии принимается во внимание ее духовно-эмоциональная сторона.

Все виды кодов не существуют в чистом виде. Эстетический код переплетается с теоретическим и утилитарным кодами. Последние два кода особенно тесно связаны друг с другом. Индуктивные выводы по методу сходства, отличия, сопутствующих изменений приводят на практике к правдоподобным результатам, то есть если основой утилитарного действия выступает теория, то мы можем прийти при правильной организации процесса к успехам в практической деятельности. Когда основанием для теоретического действия служит эстетический код, то мы имеем типичные примеры популяр-

ной индукции «после этого – по причине этого»¹⁵. Смешение теоретического кода и эстетического – нонсенс, дикость. Поэтому можно прийти к выводу о том, что они не совместимы. Что касается эстетического и утилитарного кодов, то между ними наблюдается большее согласие. Утилитарное действие на основе теоретического кода рождает науку, технологию, а утилитарное действие на основе эстетического – религии процветания. Тем не менее утилитарное и теоретическое подчинены эстетическому, они «безвкусны» сами по себе. Эстетическое – это универсалия культуры, задающая энергию действия для всех кодов.

Язык культуры, понимаемый в широком смысле как система знаков, имеет утилитарный, теоретический и эстетические коды оформляющие в систему сигналы, становящиеся в результате этого оформления знаками. Традиционная культура – знаковая система, организованная по принципу доминанты эстетического кода, хотя в каждой традиционной культуре соотношение между аксиологическими модальностями индивидуально. В некоторых традиционных культурах преобладает прагматический код, в других – теоретический, а в третьих – это может быть сочетание того и другого. Никакая эпоха не может быть совсем лишена эстетического кода, поэтому эстетическая культура и теоретическая культура есть всегда в более или менее развитой форме. Культурная динамика в этом контексте предстает как волновое движение от доминанты теоретического и прагматического отношения к эстетическому. Доминанта эстетического отношения означает наступление фазы традиционной культуры, а преобладание теоретического и прагматического отношения – наступление фазы индустриальной и постиндустриальной культуры.

Динамика аксиологической модальности традиционной культуры

Общая динамика аксиологической модальности заключается в конкуренции между утилитарным и эстетическим отношением. Однако локальный сценарий этой борьбы всегда имеет свои особенности.

Западный сценарий динамики аксиологической модальности традиционной культуры. Этот сценарий отличает исключительный сплав теоретического и утилитарного отношения, который стал впоследствии преобразовательной силой глобальной посттрадиционной культуры.

В индоевропейской ойкумене было положено начало десубъективации знания, получил развитие теоретический режим восприятия, когда объект редуцируется до родовых признаков.

Тип семиотической системы в культуре предрасполагает к определенному отношению. Так, например, если в Древней Индии изучение языка осуществлялось в эстетических целях, то Древней Греции язык стал средством познания. В греческой концепции языка отдельные слова складываются в предложения, тогда как для индусов целостное предложение разлагается на элементы лишь в грамматическом описании.

Подход к грамматике Аристотеля — логический по преимуществу, в то время как в индийском языкознании значительное внимание уделялось целостному положению единицы языка (*sphota*). В этом можно усматривать эпистемологический поворот западной культуры. Языкознание Древней Греции было дискретным, а ее философия во многом атомистическая.

Если в индийском варианте язык изучался описательно, то в Древней Греции проблемами употребления языка занимались философские школы. Отсюда разная постановка философских проблем. Брахманистская философия имени — это философия единства и равнозначности Имени и Сущности¹⁶, а в Древней Греции Гераклит, Демокрит, Анаксагор, Эмпедокл, Протагор, Платон ставят вопрос о соотношении имени и именуемой реальности.

Когда языковая структура переносится на широкий круг явлений, они приобщаются через языковую структуру к культуре. «Любая реальность, вовлекаемая в сферу культуры, начинает функционировать как знаковая»¹⁷. Язык, направленный на аморфные явления, преобразует их в языковую систему, в метаязыковые явления¹⁸.

Среди других традиционных культур античная Эллада выделилась тем, что там утвердилась установка на знание как на определяющий принцип, позволяющий вывести человека на какую-то твердую почву, позволяющее решить его глубинные проблемы. Эта установка сначала появилась не как академическая наука и даже не как рационализм. Установка существовала первоначально имплицитно, неосознанно, как способ решения универсальных проблем: кто я? что за мир меня окружает? как мне жить?

Особенно важным для западноевропейского мышления стал вопрос «Что я могу познать?», а только потом «На что я могу надеяться?» и «Что я должен делать?». Позднее это теоретическое отношение к действительности оформилось в Европе как определенный когнитивный тип культуры. Европейская мысль имеет поэтому тенденцию к уклонению в сторону позитивного понимания познания, а вопрос о роли познания, анализ познания в контексте экзистенциальных проблем, стоящих перед человеком, возникает лишь на время, на определенных этапах¹⁹.

Общий же акцент сохраняется на познании – когнитивное, познавательное отношение к действительности является, прежде всего, той формой отношения к миру, которая дает человеку возможность решить эти проблемы. Так, метод рассуждения Сократа – «Что есть красота?» – обращен к общему понятию красоты. Сократ не вопрошает об источнике красоты, о роли красоты. Его интересует общее понятие «красота» и его конкретное применение. Так происходит удвоение реальности, ее разделение на понятийную и вещную. В этом заключается культурный феномен европейской мысли – в появлении теоретического сознания, изучающего мир понятий отдельно от вещей. Мы имеем некую рефлексивно выделенную, необычную реалию, которой не было, по крайней мере в столь ярко выраженной форме, в других культурных очагах, но которая вовсе не является чем-то естественным. Когда мы вырастаем в этом типе познавательной культуры, она нам кажется чем-то само собой разумеющимся. В то время как эта безальтернативность, непреложность есть попытка уклониться от истины, так как на самом деле все это является чем-то обусловленным, созданным в определенных рамках культуры. Этот конкретный поворот культуры равно сопоставляем с другими ее ходами. Он есть результат определенной перцептивно-лингвистической установки.

Проблемы культуры не являются чисто академическими, они являются проявлением специфики отношения человека к миру. В европейском мироотношении был сформирован корпус реалий (семиотических, идеальных конструкций), в которые потом, и до сих пор пытаются уложить всю многообразную действительность. Это особый слой, которого нет в других культурах, которые не пошли по столь четко выраженному пути когнитивизма и который нашел в дальнейшем свое выражение в рационализме.

М.М.Бахтин разделяет мысль в мире и мысль о мире²⁰. Мысль в мире причастна этому миру, несет в себе печать несовершенства мира. Наша обыденная мысль – это мысль в мире. Мы пользуемся на 99% какими-то культурными конструктами (значениями), употребляем такие слова, как «красивый», «добрый», при этом не осознавая, что мы осуществляем не больше чем семиотическую деятельность. В то время как мысль о мире – это рефлексия индивида, свободной от семиотических штампов, трансцендентного по отношению к миру. Теоретическое отношение представляет одну из форм мысли в мире.

Говоря о типах культуры, нужно отметить, что сама рефлексивная практика не уникальна, не безальтернативна. Когда какой-то философ выступает, как обладающий истиной, а обыденное созна-

ние – как заблуждение, то следует учитывать, что этот философ выступает как носитель одной из практик, исторически обусловленных, причем неважно, насколько такая традиция может быть осмыслена в рамках другой культуры. Тогда в другом типе когнитивной культуры встает проблема вписать иную практику в свой мировоззренческий контекст.

С точки зрения результата предпочтительнее та практика, которая наиболее приближена к человеку и оказывает помощь в решении фундаментальных проблем бытия. Практика имеет смысл настолько, насколько с ее помощью решаются глубинные проблемы человека. Таков подход традиционной культуры. Другая позиция, позиция посттрадиционной культуры, оценивает практику с точки зрения способности решать точно и ясно какую-то определенную прагматическую или теоретическую задачу.

Для теоретического отношения такой вопрос, как «для чего?» может не представлять интереса. Наука со временем Галилея начинает существовать как безусловный культурный феномен. Так, постепенно, рациональные конструкты, некоторая конечная человеческая практика превращаются в абсолютного кумира. С помощью метода теоретического конструирования индивид оказался во власти детерминирующей его поведение безличной силы. У Маркса эта сила экономическая, у Фрейда – психологическая, а у Ф. де Соссюра – лингвистическая. Однако ни один теоретический конструкт не может заменить реальность, к которой нельзя относиться как к треугольнику, идеальной конструкции. Реальность требует личностного соотнесения. Такое личностное отношение к реальности присутствует в эстетическом отношении.

Аристотель, классический рационалист, приложил немало усилий к тому, чтобы разработать все отрасли знания. Его установка предполагала, что реальность можно подчинить себе через интеллектуальное напряжение. Но в античном мире прагматизм был еще слаб. Он достиг своего апогея в римской империи, стремившейся к покорению мира. Поскольку эти интенции не были концептуализированы, римская цивилизация не могла противостоять силе более «животной», «естественной» культуры, какой была культура варваров, например. Римский мир находился в раздвоенном состоянии: с одной стороны, сильна была тяга к наслаждению этим миром, с другой стороны, теоретическое сознание возвращало к знанию о том, что этот мир нереален. Такую противоречивую фигуру представляет Марк Аврелий, в своем учении он отстраняется от чувственного мира, но практически поступает совсем иначе.

Такая противоречивость не могла больше питать энергетику культуры. На смену ей пришла иудео-христианская культура, где контроль и подчинение мира человеку были зафиксированы текстуально: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле»²¹. Христианские мыслители постепенно утверждают завоевание и покорение природы в качестве самоценной цели человека. Эразм Роттердамский вменяет в обязанность государям расширять посевные площади в стране, осушать болота, осваивать пустоши и изменять в случае надобности русла рек²².

Эпоха Нового времени еще больше открыла горизонт преобразования мира, а эпоха Просвещения возвысила разум как инструмент познания и преобразования мира. Результаты не замедлил сказаться – открытие законов механики, природы химических элементов привели к быстрому росту технических инноваций, увеличивших производительность труда, что не могло не повлиять на рост капиталов. Экономический обмен стал определяющим в структуре новых отношений. Все остальное выстраивалось вокруг получения дохода. Утилитарное отношение, до этого придавленное эстетическими установками традиционализма, получило теоретическое обоснование, так как область духовного была редуцирована до электрохимических модуляций головного мозга. Бог, душа, спасение перестали быть онтологическими понятиями и ценностями. Онтологический статус получили понятия товар, деньги, престиж, выгода и т.п. Теоретическое отношение, подчиненное прагматическим целям, привело к созданию технических средств, позволявших легко контролировать целые государства. Эксперименты с химическим, а затем и ядерным оружием в XX веке показали мощь сил природы и хрупкость человеческой жизни. Теоретическое и утилитарное отношение без наличия высоких эстетических идеалов порождали как в человеке, так и в обществе инстинктивную страсть. Это слепое эгоистическое желание обращало свою разрушительную силу против самого же человека.

Для послевоенных лет XX века характерен поворот к субъекту. Это означало признание ценности человеческой субъективности, ценности личностного начала, потребности в развитии антропоморфных форм взаимодействия с реальностью. Стали развиваться направления персонализма, мир стал более открытым к инокультурному опыту, возникла контркультура (хиппи и разного рода маргиналы).

При этом утилитаристские тенденции также никуда не делись, продалось теоретическое освоение мира. Массовая реальность сузилась до сферы потребления. В социуме сосредоточенность на обмене вещами и услугами создает неблагоприятный климат отчуждения, безразличия. Общество, основанное на эгоцентризме, теряет связь с реальностью. В нем формируется особая потребительская аксиология с такими качествами, как дегуманизация, униформизм, рентабельность, культ тела и его потребностей.

В результате мы оказались к концу XX века в ситуации посттрадиционной культуры, или «идушей на смену Культуре в XX в. супертехнизированной, компьютеризированной потребительской цивилизации, изгнавшей Дух и оставленной Духом... ПОСТ — это принципиально ИНОЕ. Отрицание Духа и Культуры; утверждение на их основе чего-то принципиально ИНОГО, неведомого, почти недоступного представителям традиционной Культуры...»²³.

Восточный сценарий динамики аксиологической модальности в традиционной культуре. Пример волнообразной динамики культуры наглядно представлен в культуре Индии, где первое тысячелетие до н.э. знаменовалось скачком утилитарной модальности.

В традиционной культуре Индии утилитарные цели были опосредованы специальной процедурой *яги* или жертвоприношения. Статус этой процедуры традиционного общества можно сравнить только с научным экспериментом сегодня. Это точная и строгая манипуляция, для проведения которой нужен был ритвик, или жрец, квалифицированный в исполнении ритуалов (рита): методика процедуры (тантра); необходимые компоненты (дравья); подходящее время (кала); правильное место (деша); точное чтение заклинаний или мантр²⁴. Соблюдение всех правил этого большого эксперимента приводит к получению желаемого результата. Таков культурный феномен, который существовал в течение тысячелетий в ведийской и других традиционных культурах.

Идея жертвоприношения заключается в воспроизведении макрокосмоса в микрокосмосе. Создавая точно эту ситуацию, жрец как бы собирает вселенские силы, которые были в свое время в процессе сотворения вселенной, и, овладевая этими силами, получает желаемый результат. Процесс яги был доведен до совершенства в философской системе «карма-миманса» (одна из 6 философских систем Индии). Философия, которая стоит за ягьей, заключается в том, что, по сути, не важно, есть Высший Закон или нет, если все точно проведено, то так или иначе ягья осуществится, и можно получить результат.

Таким образом, эстетический модус ведийского общества постепенно сменился на прагматическое отношение к миру. Ритуал («рита» на санскрите означает порядок, гармонию), призванный соединять мир людей и мир богов, со временем стал использоваться для вторичных целей, для соотнесения себя не с миром гармонии, а с достатком, выгодой и самоублажением. Священные ритуалы утратили свои прежние смыслы и стали выполняться механически и имперсонально. Церемониальные детали ритуалов стали важнее, чем тот, на кого ритуал был направлен. Божество превратилось в слово дательного падежа, отвечающее на вопрос «кому, чему». Реальность представляется безличным законом, согласно которому осуществляется воздаяние за содеянные поступки.

Здесь нетрудно заметить сходство с современной наукой. Ягья, проводившаяся в ведийском обществе, напоминает естественно-научный эксперимент: должен быть экспериментатор, должно учитываться место, время, определенные условия, должны быть собраны определенные атрибуты. Более того, смысл эксперимента состоит в том, что неважно, существует Бог или нет, — результат получен, так как причинно-следственные связи (или закон кармы) должны реализоваться и привести к однозначному результату. Весь феномен естественной науки очень напоминает утилитарный модус взаимодействия в ведийской культуре. Пафос и того и другого состоит в механическом взаимодействии с реальностью.

Между человеком и реальностью устанавливаются нейтральные отношения «ты мне, я — тебе». Это разновидность прагматизма, о котором писал Э.Фромм: «Сегодня мы можем встретить человека, который ведет себя и чувствует, как автомат; мы обнаруживаем, что он никогда ничего не считает действительным своим; он и себя воспринимает именно таким, каким, как считается, он должен быть; улыбки заменили смех, бессмысленная болтовня заменила содержательную беседу, и скучное отчаяние заняло место искренней печали. О человеке такого типа можно высказать два утверждения. Первое, что он страдает от дефекта спонтанности и индивидуальности, и этот дефект может оказаться неизлечимым. В то же время можно сказать, что он по существу не отличается от тысяч других, пребывающих в таком же положении»²⁵.

Иными словами, независимо от сценария аксиологической динамики, как в традиционной культуре, так и в культуре индустриальной, постепенно начинает доминировать формально-рациональное начало, растет культ технологии. Благополучия можно достичь с помощью техники. В ведийском обществе это была ягья, и соответ-

ственно, целью стало проводить как можно больше яги. Подобная ситуация складывается и в современном обществе, где человечество ищет решения своих проблем в технике. Счастья можно обрести с помощью техники и развития науки.

Культ технической силы приводит к смысловому утомлению человека. Проблему любви, одиночества, долга нельзя решить технологически. Результатом смысловой фрустрации является формирование в обществе технологической антикультуры. На тезис утилитарной модальности всегда существует антитезис, который именуется теоретической модальностью. Первым признаком этой антикультуры является остро растущее разочарование у людей, как в технике, так и в ее плодах. Растет понимание того, что благо, которое человек может получить, неподвластно технике. Конечного блага техника дать не может, и это приводит к усилению теоретической модальности, поиску чистого знания, а в крайних формах – к пессимизму и нигилизму.

В обществе растет желание сформулировать предельно общие основания этого мира, имеют место всевозможные философские теории. Развитие теоретической модальности приводит к пониманию того, что смысл человеческой жизни состоит в поиске Абсолютной истины, что относительные истины не могут принести удовлетворение человеку. В своем поиске Абсолютной Истины ученые всегда доходят до какого-то предела, дальше которого лежит безмолвие. Шредингер, Фейерабенд, Капра пришли к выводу, что научный метод имеет свои пределы и не охватывает всего знания.

Зрелая теоретическая модальность приводит к последовательному отрицанию этого мира. В традиционной культуре Индии такая теоретическая модальность называется гьяна, или философское учение о недвойственности мира. Теоретическое отношение деонтологизирует феноменальный мир как временный и преходящий и идеализирует основу этого мира, лежащую за пределами чувственного восприятия. Подобное теоретическое отношение к миру существует как в ведийской традиции, так и в западной. В ведийской традиции это называется «неги, неги, неги», когда человек абстрагируется от чувственно-данных вещей и формулирует трансцендентальное как нечто лежащее за пределом диапазона чувств. В западной традиции этому соответствует апофатика, когда человек ищет изначальный принцип, создавший этот мир, но он определяет его через отрицание, как то, что не связано с этим миром. Столкновение между утилитарным отношением (карма) и теоретическим отношением (гьяна) должно привести к появлению

третьей стадии — отречения от мира. Отречение играет роль внерационального катализатора обновления традиции. В инициативное поле отречения (пресыщения) втягивается множество индивидуальностей, которые работая в разных областях, непроизвольно и неосознанно готовят обновление традиции.

В ведийской культуре эти стадии настолько близко соприкасаются, что имеется даже специальный термин — гьяна-ваирагья: зрелое теоретическое отношение подразумевает отречение от этого мира. В ведийской культуре был момент, когда злоупотребление кармой привело к ее отрицанию. Избыточные чувственные удовольствия начинает принимать извращенные, отвратительные формы. Соответственно, разумные люди, стремящиеся найти какую-либо опору, отрицают этот мир. Такой поворот осуществил Будда. Он был тем, кто перевел общество с позиции кармы на стадию гьяны и вайрагьи (полное отрицание этого мира). По сути, Будда дал теоретическую модальность в наиболее полной и законченной форме.

Западное общество регулярно переживает колебания между утилитарной и теоретической модальностью аксиологии. Всплеск утилитарного отношения в эпоху Возрождения сменился напряженным, иллюзорным стилем барокко. Рациональная эпоха Просвещения породила свою контркультуру. Это выразилось в том, что как реакция на утилитарную модальность появились романтизм, идеализм, разного рода мистические учения.

Последний пример скачка такого рода имел место в 60-е годы XX века, проявившийся в революции хиппи, когда молодежь отказалась от ценностей, которым следовали их отцы: истеблишмент, конформизм, благосостояние. Однако через десяток лет произошел откат и большинство из бунтарей стало такими же буржуа.

Аналогичный период наблюдается сейчас, когда карма достигла некоторого предела и западное общество стремится перейти от культа техники и желания эксплуатировать этот мир — к теоретической модальности.

В настоящее время крепнет движение «Новый век» (New Age), которое пророчит посттехническое и постиндустриальное будущее. Европейское общество в течение последних 400 лет безуспешно пытается осуществить этот переход. Переход от утилитарного отношения к теоретическому в западном обществе, видимо, невозможен, поскольку ему чужд принцип самоограничения. Например, когда Будда переводил общество от состояния кармы к гьяне, то ему потребовалось несколько лет, так как в ведийском обществе институт отречения существовал даже тогда, когда оно жило по

законам кармы. Буддизм и джайнизм — это реформаторские учения, выступающие против сословной иерархии и автоматического действия в культуре.

Успешный переход от утилитарного отношения к теоретическому возможен при условии отречения или ограничения чувственного счастья. В западном обществе наблюдается парадоксальная ситуация, когда человек уже не видит смысла в наслаждении, с одной стороны, а с другой — он не может отказаться от этого, так как в обществе никогда не существовала культура ограничений и нет надежды на ее институализацию. Еще одним доказательством тому служит очень интересный феномен: когда на Запад приезжают учителя восточных учений, то они для поддержания спроса вынуждены отказаться от всех ограничений для своих последователей, накладываемых учением (Махариши, Анандамурти, Ошо Раджниш и т.д.) В то время как гьяна в ее чистом виде предполагала очень большую строгость и отречение от мира.

В ведийском традиционном обществе, когда человек разочаровывается в обыденных ценностях и ищет альтернативное знание, которое дает гьяна, он приходит к «священной пустоте». Мирская пустота принимает уродливые формы, когда человек, с одной стороны разочаровался во всем: в нем есть представления о том, что мир иллюзорен и у него нет основания, высших моральных принципов, но стремление наслаждаться есть и это приводит к отвратительным формам. Люди продолжают наслаждаться нереальным миром, разрушая остатки морали.

Очень трудно представить, что кто-либо сможет внедрить на Западе восточную модель перехода от утилитарной аксиологии к теоретической, так как здесь отсутствует аскетика. Решение может быть найдено только в неклассической парадигме.

Выходом из кризиса противостояния утилитарного и теоретического отношения является эстетическая модальность. Успех теоретического отношения возможен при условии преодоления противоречия между деятельностью и бездеятельностью, формой и бесформенностью. Утилитарная модальность означает деятельность и наслаждение формами этого мира, а теоретическая модальность предполагает отрицание земных форм и принципиальную бездеятельность; но чтобы чистое знание принесло какой-то результат, нужно объединить деятельность и бездеятельность, форму и бесформенность. Эстетическое отношение не отрицает и не принимает мир ради самого себя. Вещь здесь обладает ценностью как то, что связано с полным целым. Для развития эсте-

тического отношения нет необходимости проходить долгий путь от прагмы к теории. С любого уровня возможно развитие эстетического отношения.

Мы познакомились с тремя кодами культуры. Каждая культурная среда имеет свои специальные и общие функции. Общие функции для любой культуры: адаптационная, коммуникативная, а специальные заключаются в установках, мотивации, смыслах, ценностях.

Эти три вида отношения к миру структурируют реальность для нас определенным образом. Так, например, березу можно рассматривать как предмет любования («Белая береза под моим окном, принакрылась снегом, словно серебром» и т.д.); как вид товара (древесина), а также как род деревьев и кустарников семейства березовых. Каждый вид отношения имеет интенциональную направленность: созерцать, использовать, анализировать.

Далее мы рассмотрели модусы взаимодействия с реальностью в восточной традиционной культуре и западной традиционной культуре. Была обозначена линия перехода западной традиционной культуры к глобальной посттрадиционной индустриальной культуре. Эта линия утилитарных ценностей занимает положение мирового гегемона, универсального посредника в цивилизационном диалоге.

Утилитарное взаимодействие в традиционном обществе существенно отличается от прагматизма общества индустриального. Методы обретения материальных благ одного общества построены на сакраменталиях, а другого общества — на научно-техническом прогрессе. Вместе с тем оба метода имеют одну утилитарную модальность.

Утилитарное отношение побуждает приспособлять окружающее нас многообразие под себя. Теоретическое отношение отвергает многообразие, считая его иллюзией. Эстетический код культуры развивает чистые формы взаимодействия с реальностью, лишённые прагматизма и познавательной редукции. Носитель эстетического отношения занимает все, что он имеет, в служении Прекрасной Реальности.

Усиление той или иной аксиологической модальности приводит к разному культурному результату. В этом контексте традиционную культуру отличает особое бережное отношение к трансляции неутилитарных смыслов.

Традиционная культура имеет аксиологический вектор развития, это общество дарения, в отличие от общества потребления. Поэтому его не всегда можно адекватно оценить одними лишь экономическими показателями. Большая часть времени, сил в традиционной культуре расходуется на совершенно неприбыльную сферу — культовые постройки, совершение церемоний, созерцание. Мы видим ничем не

оправданную с экономической точки зрения капитализацию иррациональной сферы культуры. Сегодня такое непомерное мотовство можно увидеть только в сфере подсознательного (игра, секс, наркотики). Это еще раз свидетельствует об уязвимости экономической детерминации культуры и истории.

Мир вне сферы сознания есть хаотический шум, осциллическое мерцание. Этот поток неструктурированной информации накладывается на матрицу человеческого сознания, где происходит его обработка по информационным, ценностным и смысловым каналам. Матрица сознания работает как мембрана, настроенная на пропуск сигналов определенной частоты и долготы. Здесь мы не ставим задачу разработать априорные структуры сознания. Мы исходим из того, матрица сознания во многом есть продукт культуры. Детерминанты культуры составляют сетку сознания, сквозь которую просеивается информационный поток. Благодаря специальным «аттракторам» из этого потока происходит выборка важных смысловых узлов.

П. Б. Уваров даже называет традиционное общество безыформационным, имея в виду, что идеальная система верований является в нем главным информационным ресурсом²⁶. Иерархическая устремленность культуры делает ненужным горизонтальную разработку эмпирических пластов информации. Человек традиционной культуры – это информационный аскет, по сравнению с которым современный потребитель кажется настоящим информационным обжорой.

Традиционная культура – это общество добровольного информационного самоограничения. В нем не происходит умножения идеальных миров. В традиционном обществе информационная оболочка отвечает требованиям интерпретационной адаптации к разнообразному бытию. Императивное поведение снижает потребность в обновлении информации.

«Тот, кто познает Целое – все познает», подобные установки формируют отношение добровольного информационного самоограничения в традиционной культуре, ибо обладание абсолютной истиной снижает потребность в относительных истинах. Все известно, предсказуемо, циклично – таково настроение обжитого мира традиционной культуры.

Менталитет традиционной культуры избавляет от поля научного поиска, там нет неизвестных, нерешенных познавательных проблем. Информационная система носит ревелационный, статичный, аксиологический характер. Коммуникация информации осуществляется иерархически, и главной интеллектуальной задачей становится ее точная трансляция и актуальное толкование. Информационные по-

средники консервативны и имеют сакральный статус. Коммуникация информации осуществляется лично, эмоционально. Периодически возникающие вызовы со стороны остальных информационных систем решаются либо их подавлением (ислам), либо инкорпорацией (индуизм).

Примечания

- ¹ Уваров П.Б. Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005. С. 15.
- ² Подобные термины используют и при изучении традиции в целом: рефлексивная, дорефлексивная. См.: Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы. М., 1986; *Генисаретский О.И.* Метод. Прикладное знание. Знание между традицией, коммуникацией и рефлексией // Материалы Второго Методологического конгресса (18–19.03.1995 г.) <http://www.circle.ru/archive/sl1995/1995oig.html>
- ³ Шуман А.Н. Средневековая философия – качественно своеобразный этап в истории философии // История философии: Энциклопедия. Мн., 2002. С. 1033.
- ⁴ *Конфуций.* Лунь Юй. 12, 19.
- ⁵ *Конфуций.* Лунь Юй. 3, 14.
- ⁶ *Конфуций.* Лунь Юй. 7, 15.
- ⁷ *Конфуций.* Лунь Юй. 13, 18.
- ⁸ *Генисаретский О.И.* Метод. Прикладное знание. Знание между традицией, коммуникацией и рефлексией // Материалы Второго Методологического конгресса (18–19.03.1995 г.) <http://www.circle.ru/archive/s1995/1995oig.html>
- ⁹ См.: Зиновьев А.А. Глобальный человек. М., 2000.
- ¹⁰ См.: Кутырев В.А. Культура и технология: борьба миров. М., 2001.
- ¹¹ См.: Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
- ¹² См.: Законы Ману. 2.1–249.
- ¹³ РВ 9.78.
- ¹⁴ Monier-Williams. Religious Thought and Life in India: Vedism, Brahmanism and Hinduism. New Delhi, 1974. P. 34–35.
- ¹⁵ Например: щеки горят – значит, вспоминает кто-то.
- ¹⁶ nama cintamani krishnas
caitanya rasa vighraha
purnah suddho nitya-mukto
bhinnatvan nama-naminoh
Имена Кришны полны в себе, чисты и полны всех вкусов. Они не отличны от объекта. (Падма Пурана).
- ¹⁷ Лотман Ю.В. Избранные статьи. Т. III. Таллин, 1993. С. 343.
- ¹⁸ Там же. С. 344.
- ¹⁹ В противоположность этому можно привести философствование Древней Индии, где вопросы познания были важными, но они всегда были подчинены проблеме спасения, избавления от страданий.
- ²⁰ См.: Бахтин М.М. Эстетика творчества. М., 1979. С. 364.
- ²¹ Бытие I.26.

- ²² См.: *Эразм Роттердамский*. Воспитание христианского государя. М., 2000.
- ²³ *Бычков В.В.* ПОСТ- // Корневище ОБ. Книга неклассической эстетики. М., 1998. С. 214.
- ²⁴ *Мантра* – букв, «инструмент мысли», или, по другому переводу, то, что освобождает (траяте) ум человека (манас). Мантры образно сравниваются с мостом (сету), так как их задача заключается в перенесении сознания за пределы обыденного мира.
- ²⁵ *Фромм Э.* Человек для себя. Минск, 1992. С. 196.
- ²⁶ *Уваров П.Б.* Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. М., 2005. С. 79.